

Николай Лесков

Борьба за преобладание

Николай Лесков

Борьба за преобладание

«Public Domain»

1882

Лесков Н. С.

Борьба за преобладание / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1882

«Профессор киевской духовной академии Филипп Алекс. Терновский поместил в одной из книжек духовного журнала «Странник» небольшой, но прелюбопытный отрывок из воспоминаний бывшего синодального секретаря Ф. И. Исмаилова. Период времени, описываемый покойным Исмаиловым, – двадцать лет его служения в синоде, с 1820 по 1840 год, именно те самые годы, когда совершилась замечательная в истории синода борьба членов синодального присутствия с обер-прокурорами...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	7
Глава третья	8
Глава четвертая	9
Глава пятая	11
Глава шестая	12
Глава седьмая	13
Глава восьмая	14
Глава девятая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Лесков

Борьба за преобладание

(1820–1840)

Обер-прокурор князь П. С. Мещерский. – Ст. Д. Нечаев. – Его «жандармские проделки». – Промах Филарета Дроздова. – Обер-прокурорские подручники. – Андрей Н. Муравьев. – Общее восстание синодалов против обер-прокурора Нечаева. – Новая ошибка синода без участия Филарета. – Смиренный Серафим. – Обер-прокурор полковник Протасов. – Его различие с Нечаевым. – Усиление канцелярщины. – Торжество победителей.

Глава первая

Сынове века сего мудрейши паче сынов света суть в роде своем.
(Лук., XVI. 8)

Профессор киевской духовной академии Филипп Алекс. Терновский поместил в одной из книжек духовного журнала «Странник» небольшой, но прелюбопытный отрывок из воспоминаний бывшего синодального секретаря Ф. И. Исмаилова. Период времени, описываемый покойным Исмаиловым, – двадцать лет его служения в синоде, с 1820 по 1840 год, именно те самые годы, когда совершилась замечательная в истории синода борьба членов синодального присутствия с обер-прокурорами.

Отсюда понятно, какой живой интерес должны иметь для истории правдивые воспоминания близкого свидетеля этой борьбы, нередко даже принимавшего в ней участие и, наконец, в заключение существенно от нее пострадавшего.

Мы берем из этого отрывка только самые существеннейшие черты, которые выясняют нечто до сих пор в этой истории неясное, и стараемся привести то, что нам самим известно из других записок или рассказов современников, которых еще немало находится в живых.

Абрисы и рассказы секретаря Исмаилова очень безыскусственны и местами даже просты до наивности, но этим они внушают большое доверие к автору, – человеку, который, как мы сейчас увидим, представляется очень добрым, тепло верующим и совестливым. Но, несмотря на всю непритязательность и скромность воспоминаний Исмаилова, они в некоторых случаях заставляют отдать им полное предпочтение перед тем, что начертано рукою более или менее фразистых некрологистов и тенденциозных историков.

Исмаилов своими чистосердечно раскрытыми воспоминаниями не только сообщает много любопытных частных о событиях, главные пружины которых кроются до сих пор в хаосе канцелярского хлама, но и безыскусственно ловит на бумагу такие штрихи, которые сразу наводят на известные исторические лица совсем не ту игру, которая застыла на их портретах, списанных по правилам мертвой рутины.

Борьба за влияние в синоде, как известно, окончилась полною победою обер-прокуроров, но победа эта далась им не легко и не сразу. Члены тоже пытались за себя постоять и стояли, как могли, или лучше сказать, – как умели. Тут мы увидим самое простое и чистосердечное повествование об этом уменье и неуменье и будем в состоянии спокойно сравнить силы, какие явлены борцами одной и другой стороны.

Глава вторая

Первый обер-прокурор, которого знал и описал Исмаилов, был князь Петр Сергеевич Мещерский. Он и принял автора на службу по просьбе генерала Капцевича, у которого Исмаилов учил детей. Князь Мещерский по просьбе генерала определил учителя «к обер-прокурорским делам, а чтобы коронная служба не отнимала у него много времени от частных занятий с воспитанником, стал давать ему особые поручения, которые тот мог исполнять дома в свободное время».

Через два года такой службы Исмаилова сделали секретарем.

«Синод тогда занимал два ближайшие к Неве прясла двенадцати коллегий». Автор подробно описывает синодальное помещение и меблировку, которые произвели на его впечатлительную душу очень сильное впечатление, не исчезнувшее во всю его жизнь.

Это интересно само по себе и любопытно для уяснения характера человека, которого довольно грузная обстановка синодальной камеры не только поразила, но даже как-то поработила себе его чувства. Вот как описывает он это помещение и его обстановку:

«Со входа чрез переднюю в приемную залу и экзекуторскую на правой стороне помещалась канцелярия, а на левую было присутствие. Присутственная комната вся обита и драпирована малиновым бархатом с золотыми кистями и бахромою; посредине присутственный стол, покрытый таким же бархатом с золотым же убором; пред столом во главе тронное кресло, а по сторонам шесть кресел для членов; слева стол для обер-прокурора с одним для него креслом и стулом для чиновника за обер-прокурорским столом, а справа стол обер-секретарский с двумя стульями; против тронного кресла налой для докладчика, а за ним несколько поодаль – такой же для протоколиста. Вся вообще мебель богатая, но не столько изящная, сколько величественная.

На присутственном столе, кроме зеркала в середине, крест и Евангелие пред тронным креслом и Библия – пред наложным докладчиком. За тронным креслом – портрет царствующего государя, а по сторонам на пьедесталах и в дорогих ковчегах мощи Андрея Первозванного и подлинный духовный регламент Петра Великого. В переднем углу образ Спасителя, в заднем – огромные старинные часы, а по стенам, в приличных местах, два или три царские портрета. Словом, присутственная комната св. синода, или, как ее называют официально – камера, поражая входящего и величием и святостью, представляется ему как некое святылище или как богато убранный алтарь, особенно когда члены бывают в мантиях, например, на архиерейских наречениях».

Это так понравилось нашему автору, что он (стр. 76) «ни одного шага не мог сделать без благоговения, и когда стал докладывать, то чувствовал себя в каком-то молитвенном состоянии, как бы в церкви». Состояние поистине завидное и испытываемое далеко не каждым.

Служебные занятия в синоде автору не нравились: «пищи для ума никакой, одна рутина и рутина; я горевал, чувствовал, что упадаю духом, и порывался оставить службу в синоде, но мне все-таки было жаль расстаться с этим местом служения, – и я удержал себя по тому чувству благоговения, которое возбудилось во мне при вступлении в первый раз в присутствие св. синода».

Следовательно – ясно, что мы имеем дело с человеком души очень мирной и благоговейной, и это надо запомнить, чтобы при дальнейшем следовании за его воспоминаниями не принять его иногда за отрицателя.

При Мещерском в синоде в каждом угле расстилались тишь, гладь и божия благодать.

Такой мирной картиной воспоминания начаты, но не то нас ждет в их продолжении.

Глава третья

С выходом из обер-прокуроров князя П. С. Мещерского (1817–1833 года), при котором в синоде «строго соблюдалась тишина и порядок, почти как во время народного церковного богослужения», – строй этот сразу же падает. При обер-прокуроре Нечаеве и потом при графе Протасове (1833–1855) пошли неурядицы и ожесточенная борьба за преобладание. Притом оба эти обер-прокурора сами были большие ругатели.

Воспоминания о Степане Дмитриевиче Нечаеве начинаются с того, что при нем синод перешел в свое нынешнее помещение. Тут это учреждение посетил государь Николай Павлович, и автор, описывая посещение его величества, как будто подозревает, что при этом случае члены синода получили какое-то «предварение», в силу которого «никто из членов государя не встретил, а встретил его один обер-прокурор со своими классными чиновниками».

Конечно, это значило не то, что обер-прокурор Нечаев как будто считал за неуместное парадность встречи его величества, а совсем что-то другое. Чувствуется, что обер-прокурор как будто имел намерение оттереть членов и выдвинуть вперед свою канцелярскую армию, – тогда, впрочем, еще не вполне размноженную. Нечаев «расставил всех на крыльце и в сенях по разрядам должностей; впереди стояли обер-секретари, за ними секретари, далее прочие чиновники». – «Члены для первого присутствия были в мантиях и могли бы быть всех виднее и представительнее, но обер-прокурор сделал так, что они оставались во время встречи государя в зале».

«Степан Дмитриевич Нечаев, по словам автора, был прокурор не легкий (легкого автор так и не дождался). Пока он (т. е. Нечаев) служил за обер-прокурорским столом, он держал себя прилично, – ласков был с чиновниками и льстил членам». (Льстить старшим, по мнению Исмаилова, значило «держаться прилично», – так думал он для себя, а может быть, так же внушал и генеральскому сыну, которого воспитывал на счет сумм св. синода.)

«Особенно льстил Нечаев московскому митрополиту (Филарету Дроздову), который, известный государю и всем как муж совета, был в большой силе. Но когда (Нечаев) добился обер-прокурорства, показал себя в натуральной наготы».

«С чиновниками, говорит автор, Нечаев мог обходиться как хотел, но ему хотелось взять верх и над членами синода» и, вероятно, особенно над самим мужем совета, с которого он это и начал. До сего времени он ему «льстил особенно», а теперь постарается особенно же вредить ему.

Необыкновенно любопытно: какие тонкости пронырливого ума обнаружит этот честолюбец в борьбе с таким человеком, как Филарет Дроздов, уму и прозорливости которого у нас до сих пор все еще никак не подведут настоящего итога.

Но, увы, характерные и в своем роде замечательные приемы Нечаева выражают только одно: что нет силы сильнее подлости, которая способна не остановиться ни перед чем, а такая сила всего матерее зреет в канцелярской среде, где в атмосфере лести и искательства сформировался каверзный обер-прокурор, взявший перевес над Филаретом.

Глава четвертая

«Вдруг, ни с того ни с сего, появились жандармские доносы на архиереев и на членов синодальных. Доносы оказывались большею частью ложными. Канцелярия подозревала, что в них участвует сам обер-прокурор, имея целью унижить духовное правительство в России. Архиереи и члены синода оправдывались сколько могли. Синод очень беспокоился, показывал вид беспокойства и обер-прокурор и, подстрекая членов к неудовольствию, говорил, что учреждение жандармского досмотра делает более вреда, нежели пользы».

Взволнованные члены синода должны были рано или поздно выйти из терпения и опротестовать злочинство, совершаемое над ними «жандармским досмотром». А как всеми этими махинациями по какому-то поводу руководил сам обер-прокурор, то ему и не трудно было воздвигнуть донос на лицо более других характерное, умное и горделивое, — именно на самого «мужа совета»... Понятно, что с ним и следовало переведаться и его замарать или сделать подозрительным и безгласным, а потом с остальными справиться было уже не трудно.

На Филарета появился донос от жандармов.

Автор не поясняет, в чем именно состоял этот донос, ни того, как обер-прокурор Нечаев организовал такие удобные вещи. Впрочем, Исмаилов, по-видимому, даже и сам недоумевает, как это могло быть устроено; но мы, жившие позднее, когда практика доносов, до закрытия III-го Отделения, была развита гораздо обширнее, знакомы отчасти по слухам с этими приемами. Они заключались в том, что если кому не люб был известный человек, то тот делал на неприятеля извет жандармам. Жандармы же, — частью по обязанности извещать о всех вещах, хотя бы и недоказанных, но подозрительных, а частью и по желанию обнаруживать большую деятельность, и по безответственности за донос ложный, — были благодарны за указания и давали ход всему, что до них доходило. Таким образом, доносить на людей, деятельность которых шла перед глазами доносчика, всегда была обширная возможность. Намерение, жест, мина, а тем паче нетерпеливое слово, — для доносчика все это материал.

Всего вероятнее, что обер-прокурор Нечаев знал рассказываемую циркуляцию гораздо лучше, чем его добрый и простодушный секретарь, и пользовался этим нехитрым, но сильно действующим средством для борьбы с Филаретом...

Итак, удивительно не то, что он добрался до Филарета, но то, что он с первого же абцуга заставил этого осторожнейшего человека проделать все, что ему продиктовала каверзливая душа подьячего. «Случилось, говорит автор, поступить доносу на московского митрополита; донос передан обер-прокурору с высочайшим повелением — рассмотреть синоду. Этого-то властолюбивому гордецу (т. е. Нечаеву) и хотелось: с доносом он едет к митрополиту (самому же Филарету) и убеждает его вместе с оправдательным объяснением изложить мнение, что данное жандармской команде право доносить со слухов и без всякой за ложь ответственности стесняет свободу администрации и, как похожее на слово и дело, лишает подданных спокойствия. Митрополит, дотоле уважаемый государем, не остерегся и попал в расставленные ему так хитро сети: он написал оправдание, написал и мнение. Обер-прокурор, минуя синод, где в общем собрании, может быть, предостерегли бы митрополита, представил его оправдание и мнение прямо государю императору. Государь разгневался, и поступок митрополита, как противный верховной власти, едва не распустиковал чрез св. синод по всей России».

О такой угрозе Филарету Дроздову нам не приводилось слышать, но в рассказах об этом иерархе не упоминается обыкновенно и всей этой истории, в которой, к удивлению нашему, Филарет допускает играть собою очень легко, даже без большой хитрости...

Это совсем не вяжется с господствующими представлениями о необыкновенной будто бы умственной прозорливости иерарха и его до щепетильности осторожном характере.

После рассказанной неосторожности, как бы омрачившей на мгновение ум прославленного за свою мудрость Филарета, переходим к дальнейшим победам обер-прокурора Нечаева над целым составом синодальных членов, причем получим несколько образцов нравов и характеров низших синодальных дельцов, – тоже по большей части происходивших из духовного звания и культивированных в духовных училищах.

Глава пятая

«Обер-прокурор, пошатнув опору синода (Филарета), стал действовать решительнее: он изменял резолюции и определения святейшего синода и затевал ограничить архиерейскую власть». Важнее всего в этом роде было то, что Нечаев совсем было исторг из их рук ведение «архиерейской кандидатуры».

Здесь рассказывается характерный случай из борьбы обер-прокуроров с архиереями и со всею откровенностью излагается мало кому известный «процесс архиерейской кандидатуры».

«Открылась вакансия архиепископской кафедры; надобно было избрать и представить на высочайшее утверждение кандидатов. Процесс архиерейской кандидатуры таков: синод ищет по своим спискам достойных и, соображаясь со старшинством, с познаниями и опытом, равно и с местными особенностями вакантной епархии, назначает трех кандидатов, предоставляя окончательное назначение выбору государя императора. Но чтобы государь знал, на кого из представляемых обращает синод свое мнение преимущественно, предоставлялось обер-прокурору приложить ко всеподданнейшему докладу записку о том. Как вакансия открылась в епархии второклассной, то на кафедру ее рассудили перевести архиерея-епископа, а в епископа избрали из архимандритов и на обе кафедры представили по три кандидата, объяснив словесно обер-прокурору, кого из них синод признает более достойным».

В существе дела представление трех кандидатов – была только одна проформа, а главная всему суть состояла именно в том «словесном объяснении, кого синод признает более достойным». Выбор, стало быть, падает собственно только на одно это лицо, а два остальные его лишь декорируют... И при таких условиях очень легко понять, как важно, чтобы обер-прокурор имел хорошую память и добрую совесть. Все назначение зависит от того, чтобы он точно доложил государю – кто из трех именуемых для проформы кандидатов есть настоящий избранник.

Мы почти теперь только понимаем всю ту горячность, с какою покойный волынский архиепископ Агафангел Соловьев, в известной своей отповеди на предложения духовно-судебной реформы, говорил о преимуществах, предоставляемых обер-прокурору его правом подносить к трону решения синода, тогда как синодальные члены таковым правом не пользуются, и потому не знают, в каком виде суждения их докладываются монарху.

Можно ли было предвидеть от этого серьезные опасности, какие предвидел покойный Агафангел, усвоивший себе еще с молодых лет репутацию большого «политикана»?

Если судить по прошлому, то следующий случай, помимо своего исторического значения, может пролить свет на упомянутые опасения.

Глава шестая

У обер-прокуроров того времени – даже самых кичливых – почти всегда бывали партизаны «из среды начальствующих монахов», т. е. из таких, кои сами метили в архиереи и старались иметь обер-прокурора на своей стороне. По отношению к членам синода эти лица вели себя иногда очень предательски, но обер-прокурора держались, и не даром. Расчет их был верен и лица их не постыжались. Следующий случай, который мы сейчас же расскажем, представит убедительнейшее доказательство, что мог сделать обер-прокурор и на какую дерзкую отвагу способны были наши высшие чиновники перед лицом даже такого грозного государя, как император Николай Павлович.

«Обер-прокурор (Нечаев) составил себе партию из начальствующих монахов и, передавая доклад на высочайшее рассмотрение и утверждение, выставил в записке достойными не тех, кого синод назначил», т. е. солгал государю.

«Выставил в записке», а не на словах доложил. Это произошло потому, что в то время (до Протасова) обер-прокуроры еще лично государю не докладывали, а вносили свои доклады в кабинет императора через статс-секретаря. Следовательно, что синодалы сказали Нечаеву, то этому последнему приходилось написать на записке, которую докладывающий статс-секретарь обязан был подать императору.

Нечаев при исполнении этого не побоялся пословицы, что «написанного пером не вырубишь топором», и обманул государя самым дерзким и самым возмутительным образом. Он написал его величеству совсем не те имена, которые ему произнесли члены синода, а назвал другие имена лиц, которых он один своею единоличною властью хотел вывести в архиереи и действительно вывел.

Наглость Нечаева в обмане строжайшего из государей была так велика, что он не только не стеснялся оставить след своей дерзкой лжи на бумаге, но даже имел уверенность, что все это сойдет ему безнаказанно, и тут же опять не ошибся.

Глава седьмая

«Государь, разумеется, утвердил доклад по записке обер-прокурора и доклад сошел с собственноручною высочайшею резолюцией: быть такому-то и такому-то». То есть государь назначил быть тем, которых подставил ему самовластно Нечаев, вместо тех, кого считало достойнейшим полное собрание святейшего синода.

Это необходимо должно было вызвать негодование в членах синода и произвести бурю, которая должна была сорвать с дерзкого нахала вскинутую им на себя не по плечу епанчу.

Кажется, и в самом деле непременно надо было ожидать чего-нибудь крупного и даже грандиозного – достойного высокого сана мужей, которые были так дерзко и так смешно унижены.

Пусть неприятный пример одного из них (Филарета Дроздова) был им и памятен, но Филарет в тот раз заступался за себя: он себя защищал против жандармских доносов, – а теперь на сцене было не чье-либо личное беспокойство, а святейший интерес церкви, которой эти люди служат столпами и светильниками... Уж конечно, они не остановятся перед страхом за личное благополучие и по долгу совести и присяги доведут до государя поступок преступного чиновника, который дерзнул обмануть его величество... Государь из самой записки, какую ему вручил через статс-секретаря Нечаев, непременно убедится, что члены синода доводят ему правду, и тогда гнев его всеконечно падет не на правых, а на виноватого, который вполне заслуживал и гнева, и наказания.

Таков, кажется, единственный прямой путь, какой люди, преданные своему долгу и уважающие святость власти монаршей, должны были избрать и совершить с бестрепетностью истинных христиан и сопоследователей митрополита Филиппа Колычева... Его могущественный пример, вероятно, вдохновит их и напомним им, насколько дело им предстоящее легче и безопаснее того дела, которое совершил в свое время св. Филипп, не преклоняясь «ни на-десно, ни на-шуе».

Но напрасно мы будем настраивать свое воображение на лад столь высокий. Хотя все, что мы сказали, казалось бы и не превышало силы очень обыкновенных людей, исполненных только сознания долга, однако ничего подобного не случилось, а вышло нечто совсем иное. В развязке дела не имело места ничто, дышащее благородным негодованием, которое должно бы вызвать благородные же и открытые действия, а вышло что-то мелкое, перекорливое, базарное, с обнаружением свойств ужасающего мелкодушия.

Глава восьмая

Обер-прокурор Нечаев, сдавши резолюции, исторгнутые им обманом у государя, сам замедлил прибытием в присутствие синода. Вероятно, это входило в какие-нибудь его расчеты.

Члены собрались ранее и, «увидя высочайшую резолюцию, изумились и не знали, что делать».

Когда Нечаев, наконец, пожаловал в присутствие, святители спросили его:

– Отчего это государь не соизволил утвердить кандидатов по нашему назначению?

– Не знаю, – отвечал обер-прокурор, весь вспыхнув.

Этим ответом Нечаев во всяком случае несомненно подтвердил, что государем утверждены не те избранники, которых синод словесно наименовал ему, обер-прокурору; иначе слово «не знаю» не имело здесь смысла, а обер-прокурор прямо должен был сказать:

– Нет, вы ошибаетесь, – его величество изволил утвердить тех самых лиц, кого вы просили.

Так должен бы отвечать человек, который поступил как следует, и принес с собою правду, а не плутовство; но так же поступил бы и находчивый плут, умеющий и красть, и краденое прятать. Словом, Нечаеву, очевидно, надо было запереться и лгать, глядя смело в глаза людям.

Глава девятая

«Завязался спор с упреками и угрозами с обеих сторон...»

Какие же могли быть угрозы?

Синодалы, понятно, могли «угрожать» Нечаеву тем, что доведут его проделки до государя. Он мог им поверить или не поверить, что они способны сделать, если не то, что должны, то, по крайней мере, хоть то, что могут... Конечно, он знал характеры этих особ и распоряжался ими сообразно своим о них понятиям, но чем он, кругом виноватый, смел угрожать обиженным святителям – это совершенно непонятно. Они, может быть, подлежали какой-нибудь укоризне за бесхарактерность и неуместную покладливость там, где совесть указывала бы иное отношение к делу, но за кем же из них были такие виновности, как обман государя и подвох, сделанный на его собственных глазах и под его руками? Чем кругом виноватый Нечаев мог запугать иерархов? К сожалению, в записках нашего автора ничего об этом не объяснено. Может быть, святителям страшно было не то, что на них можно доказать, а страшен был просто доступ Нечаева к государю; страшно было, что он мог представить еще какую-нибудь записку, о содержании которой члены синода и знать не будут, а между тем впадут у государя в немилость, как это ранее уже случилось с Филаретом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.